

Научная статья

УДК 343.6-053.6(73)

EDN AFIMUR

DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102

ВООРУЖЕННЫЕ НАПАДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В США: СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РИСКА

К.В. Злоказов*Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

21 декабря 2022 г.

Дата принятия в печать

21 февраля 2023 г.

Дата онлайн-размещения

13 марта 2023 г.

Ключевые слова

Колумбайн; скулшутинг; убийство
школьников; школьное насилие;
преступления несовершеннолетних

Финансирование

Исследование выполнено при
поддержке РФФИ, проект
№ 20-012-00415 «Когнитивные
интернет-технологии как фактор
формирования экстремистского
поведения молодежи: механизмы
воздействия и профилактика»

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью противодействия массовым убийствам школьников и педагогических работников, осуществляемым самими обучающимися. Несмотря на предпринимаемые меры, вероятность вооруженных нападений на российские образовательные организации остается высокой. В статье характеризуется комплекс факторов, побуждающих несовершеннолетних к организации массовых убийств, на основе сведений об аналогичных преступлениях, совершенных в США.

Целью исследования является описание факторов риска вооруженного нападения на образовательные организации, связанных с недостатками социального окружения несовершеннолетних и наличием у них проблем в сфере социального взаимодействия.

Исследование основывается на принципах и положениях социальных наук, методах теоретического исследования — обобщения и систематизации информации. Методами эмпирического исследования выступают дескриптивная статистика, расчет средних значений и стандартных отклонений.

В результате проведенной работы выявлен комплекс характеристик, раскрывающих обстоятельства массовых убийств несовершеннолетними в США. Представлена характеристика массовых убийств в образовательных организациях, описаны параметры вооруженного нападения, причины выбора объекта нападения, вид оружия. Дана возрастная и социальная характеристика нападавших и мотивов их действий. Определены социально-культурные, психологические и социально-психологические причины вооруженного нападения. Показана роль средств массовой информации и средств коммуникации в пропаганде вооруженных нападений, рассмотрены тенденции легитимизации и геймификации насилия. Установлены психологические и клинические предпосылки нападений, определена роль негативного влияния на несовершеннолетних их социального окружения, выражающегося в физическом, психологическом, сексуальном и иных видах насилия, попустительстве в удовлетворении социальных потребностей несовершеннолетних. Полученные результаты расширяют представление о факторах риска, побуждающих несовершеннолетних к нападениям на образовательные организации: проблемы во взаимодействии с социальным окружением, психоэмоциональное состояние обучающихся, сформированная деструктивная направленность несовершеннолетнего. Практическим результатом исследования выступают предложения по обеспечению безопасности информационного пространства, образовательной организации и выработке мер психолого-педагогического сопровождения обучающихся.

Original article

ARMED ATTACKS ON SCHOOLS BY ADOLESCENTS IN THE USA: SOCIO-PSYCHOLOGICAL RISK FACTORS

Kirill V. Zlokazov*Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, the Russian Federation*

Article info

Received

2022 December 21

Abstract. The relevance of the research is connected with the necessity to counteract mass shootings of schoolkids and teachers that are carried out by the students themselves. In spite of the undertaken measures, the likelihood of armed attacks against Russian educational establishments remains high. The author describes a

Accepted
2023 February 21

Available online
2023 March 13

Keywords

Columbine; school shootings; school killings; school violence; juvenile crime

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-012-00415 «Cognitive Internet Technologies as a Forming Factor for Extremist Behavior of Young People: Mechanisms of Influence and Prevention»

complex of factors that provoke adolescents to carry out mass shootings using information about similar crimes committed in the USA.

The goal of this research is to describe the risk factors for armed attacks on educational establishments connected with the problems of the social environment of adolescents and difficulties in their social interactions.

The research is based on the principles and theories of social sciences, the theoretical research methods — generalization and systemization of information. Empirical research methods are descriptive statistics, calculation of mean values and standard deviations.

The conducted work allowed the author to identify a complex of characteristics describing the circumstances of mass shootings committed by adolescents in the USA. Features of mass shootings in educational establishments are presented, parameters of armed attacks, factors influencing the choice of attack target and types of weapons are described. Age and social characteristics of attackers and their motives are given. Socio-cultural, psychological and socio-psychological causes of armed attacks are defined. The role of mass media and means of communication in the propaganda of armed attacks are shown, and trends for the legitimization and gamification of violence are analyzed. Psychological and clinical prerequisites of attacks are determined, and the negative impact that the environment has on an adolescent is established, which is manifested in physical, psychological, sexual and other types of violence, as well as permissiveness in meeting the social needs of adolescents.

The obtained results widen our understanding of risk factors instigating adolescents to carry out attacks on educational organizations: problems in interacting with the social environment, the psycho-emotional state of students, a destructive orientation of the adolescent. The practical results of this research are recommendations for ensuring the safety of the information space, the educational establishment, and the development of measures for the psychological-pedagogical support of students.

Введение

Актуальность исследования обусловлена задачей снижения риска вооруженных нападений на образовательные организации, совершаемых обучающимися в них несовершеннолетними и молодежью. Данная проблема в настоящее время не имеет однозначного и эффективного решения. В противодействие ей вовлечены органы государственной и муниципальной власти, правоохранительные службы, персонал школ и родительские объединения. Однако, как демонстрирует складывающаяся тенденция, их усилий не всегда достаточно для исключения подобных ситуаций. Так, в период с 1 января 2014 г. по 1 декабря 2022 г. в России произошло более 25 нападений на образовательные организации, в ходе которых был убит 61 чел. и ранено 235. Эти данные наглядно свидетельствуют о необходимости принятия комплексных мер противодействия школьному насилию, включающих правовое, психолого-психиатрическое и социально-педагогическое обеспечение безопасности обучающихся. Их разработка требует научного анализа причин и условий совершения массовых убийств, жертвами которых являются обучающиеся и педагогический состав образовательных организаций. Для решения этой проблемы в статье дается характеристика массовых убийств в школах США, анализируется побуждающий их комплекс факторов.

Цель исследования

Целью исследования является описание факторов риска совершения обучающимися вооруженных нападений на образовательные организации.

Гипотеза исследования

Гипотеза исследования заключается в том, что негативные взаимоотношения несовершеннолетних с социальным окружением актуализируют потребность в признании и уважении, обуславливают выбор массового убийства в качестве деструктивного способа их компенсации.

В статье рассматриваются социально-культурные и социально-психологические факторы, побуждающие вооруженные нападения обучающихся на школы, описываются маркеры риска таких нападений и формулируются меры противодействия им. Конечно, предположение о ключевой роли социально-психологических факторов в совершении массовых убийств методологически ограничено. Вместе с тем его проработка стимулирует другие аспекты предупреждения школьного насилия: противодействие интернет-сообществам, пропагандирующим культ убийства как деструктивный способ самореализации, совершенствование методов выявления несовершеннолетних, нуждающихся в психолого-психиатрической помощи, и ее оказания, усиление контроля над доступом не-

совершеннолетних к огнестрельному оружию и компонентам взрывчатых веществ, повышение безопасности образовательных организаций и другие действия.

Эмпирическим материалом выступают статистические сведения о вооруженных нападениях на образовательные организации в США, а также их криминологические и психологические исследования. Выбор данной страны обусловлен высокими показателями школьного насилия: массовые убийства с применением огнестрельного оружия происходят в США примерно раз в две недели, а стрельба в школах случается в среднем раз в месяц [1].

Методы и исследовательские данные

Используются методы теоретического исследования, с помощью которых обобщаются и анализируются знания о психиатрических, психологических и социальных предпосылках массовых убийств в школах. Эмпирические методы применяются для обобщения сведений о количественных характеристиках нападений, нападавших, их вооружении и жертвах.

Источниками информации выступают базы данных о школьных убийствах, собираемые тремя коллективами:

- исследовательской группой Washington Post, располагающей сведениями о 338 нападениях на школы в период с 1999 по 2022 г., а также сведениями о нападавшем, его поле, возрасте, расе и национальности, используемом оружии;

- исследователями Центра национальной обороны и безопасности США, который имеет информацию о более чем 2 тыс. нападений на американские школы с 1970 по 2022 г., в том числе информацию о происшествиях, характеристиках нападавшего, жертвах, примененном оружии;

- коллективом исследователей правительственного института Рокфеллера, хранящего сведения о 176 нападениях на школы за период с 2000 по 2019 г., в том числе данные о завершённых нападениях, а также их попытках, характеристиках нападавших, обстоятельствах, способствовавших и препятствовавших насилию.

Представленная в базах данных информация применяется зарубежными учеными и практиками при осуществлении исследовательских и прикладных работ, что свидетельствует о ее актуальности и пригодности для достижения поставленной цели. Нами используется информация из всех баз данных вследствие различий в сведениях, которые в них содержатся. Эта

информация необходима для подготовки криминологической характеристики нападений, а также для описания их психологических предпосылок, характеристики социально-психологических факторов риска нападения.

Структура статьи соответствует ее цели и включает характеристику вооруженных нападений на школы США, описание социально-культурных, психолого-психиатрических и социально-психологических предпосылок школьного насилия и выделенных на их основе социально-психологических факторов риска вооруженного нападения на школы. В заключении намечаются перспективы дальнейшей научной и практической работы по противодействию массовым убийствам в российских школах.

Характеристика массовых убийств в образовательных организациях США

С 1970 по 2022 г. в США произошло более 2 тыс. нападений на школьников, учителей и работников образовательных организаций. Их жертвами стало более 3 тыс. чел., из которых 685 погибло. Уровень насилия в американских школах повышается в последний год: за период с августа 2021 г. по 31 мая 2022 г. произошло 193 нападения, убито 59 чел., 138 чел. ранено. Указанные сведения дают максимально полное представление о нападениях и их жертвах, однако с учетом цели статьи данная информация нуждается в уточнении.

Дело в том, что, согласно американскому законодательству, к категории массовых убийств можно отнести убийство четырех или более лиц, а также попытку такого убийства, совершенные в течение 24 ч в пределах границ одного населенного пункта. Применение этих условий сокращает количество происшествий, подпадающих под определение массового убийства. Поэтому, по статистике правительственного института Рокфеллера, за период с 2000 по 2019 г. в США состоялось 176 нападений на образовательные организации, целью которых было совершение массовых убийств. Из них 14 вооруженных нападений привели к массовым убийствам, были предприняты 52 попытки, несостоявшимися по разным причинам стали 110 нападений [2].

Объектами вооруженного нападения выступили: начальная школа — 3 случая, средняя школа — 89 случаев, колледжи (при образовательных организациях высшего образования) — 18 случаев. Нападающий осуществляет свои

действия в одиночку в 96,5 % случаев. Групповые нападения проводятся составом, не превышающим 2 чел. (6 нападений с 2000 г.).

В большинстве случаев преступники проникали в школы и колледжи, не встречая сопротивления со стороны служб правопорядка. Они перемещались по зданиям и прилегающей территории в среднем в течение 15–20 мин до прибытия полиции.

Выбор объекта для нападения определяется психическим состоянием и мотивацией нападения. Старшеклассники и студенты, выбирающие начальные школы, страдают психическими заболеваниями (26 % нападений), в то время как учащиеся средней школы выбирают свои собственные школы в целях мести или совершения самоубийства (58 % нападений).

Для нападения используется огнестрельное оружие, преобладающим видом которого выступают пистолеты, в том числе пистолеты-пулеметы (52 % нападений), автоматические винтовки и ружья (38 % нападений). В 26,4 % случаев применяется оружие членов семьи — отца (отчима) и матери, старших родственников, братьев. Легально приобретается оружие в 11,2 % случаев, похищается или нелегально приобретается в 5,5 % случаев. В 56 % случаев способ получения оружия не описан.

Массовые убийства удалось предотвратить в 72 % случаев в результате заявления инициаторов о готовящемся нападении, выявления признаков подготовки к преступлению (19 % случаев). В 6 % случаев преступник совершил самоубийство до начала активных действий, в 3 % ситуаций преступника отговорили от продолжения нападения, а в 4 % он сам отказался от своих намерений, в 2 % отказало оружие, и лишь в 1 % случаев он был застрелен до начала нападения.

Согласно данным исследовательской группы Washington Post, максимально полно отражающим сведения о нападавших, 47,3 % из них являлись обучающимися, при этом 97 % были мужчинами и 3 % — женщинами. Средний возраст составляет 19,5 года, стандартное отклонение — 10,1 года, медианный возраст — 16 лет, 83 % лиц младше 21 года. Самому молодому из обучающихся, совершившему убийство учителя, 6 лет, самой молодой девушке, застрелившей двух одноклассников и ранившей еще двоих, исполнилось 12 лет.

Социальный портрет нападавшего, составленный на основе 253 случаев, показывает, что более 25 % преступников имели подтвержден-

ные признаки психологических проблем, 19 % испытывали проблемы с семьей и родственниками, 21 % был отстранен от занятий, а 10 % бросили учебу. Криминальный опыт имел 31 % нападавших, а 21 % состоял на учете в качестве членов преступных групп.

Мотивами преступлений являлись целенаправленное желание убить кого-либо из неприязни (72,50 % случаев), суицидальная попытка (15,64 % случаев). В 11,2 % случаев преступление совершалось случайно, в том числе по причине незнания правил обращения с оружием, а в 0,6 % происшествий применение оружия было оправданным — для отражения нападения.

Анализируя обстоятельства совершения преступлений, личность нападавших, характер их действий, исследователи приходят к выводу о том, что определенной типологии нападавшего построить не удастся [3]. Объяснение этому видится в совокупности факторов, которые побуждают к совершению преступления, регулируют выбор способа его совершения и влияют на решение о стрельбе по безоружным людям. Предполагается существование множества факторов, определяющих насильственное поведение. В рамках данной статьи рассматриваются социально-культурные условия насилия, индивидуальные особенности нападавшего и социально-психологические причины, в совокупности побуждающие к массовому убийству.

Социокультурные предпосылки школьных убийств

Феномен школьных убийств в зарубежных работах ассоциируется с ключевой чертой западной культуры — популяризацией насилия. Информационное пространство американского школьника, состоящее из средств массовой информации и коммуникации, производит и распространяет информацию о насилии. Демонстрация насилия в кино, телепередачах, новостях сочетается с его легитимизацией — признанием допустимости применения насилия в разных областях социальных отношений, от политики и спорта до образования и культуры.

Культурная терпимость к насилию приводит к тому, что возможность его применения не только не подвергается сомнению со стороны подрастающего поколения, но и усиливается за счет дегуманизации объектов, подвергающихся насильственному воздействию. Ярким проявлением культуры насилия выступает геймификация, выражающаяся не только в бурном

развитии компьютерных игр, реализующих насилие, но и в размытии норм общечеловеческих стандартов его причинения. Как следствие, подрастающее поколение знакомится с опытом насилия через ролевые модели компьютерных персонажей, получая внутриигровое поощрение за множественные убийства, убийства с максимальной жестокостью, убийство нечастых, раненых, слабых и пр. [4]. Соревнуясь в виртуальном насилии, подростки и молодежь переносят эти достижения в реальную жизнь, восхищаясь игроками, обладающими наивысшими показателями в подобных играх, и заботятся о своем рейтинге, статусе в них.

Культура насилия определяет ожидания людей от других сфер общественной жизни. Она создает интерес к информации о чрезвычайных происшествиях, катастрофах, убийствах. Откликаясь на этот запрос, американские средства массовой информации освещают подобные события все более детально и реалистично, настолько, что предоставляемые сведения оказывают на зрителей влияние, выходящее за пределы информирования. Так, изучая описания школьных убийств в газете New York Times за период с 1966 по 2016 г., Дж.Р. Силва приходит к выводу о том, что СМИ искажают сведения о причинах произошедшего, приукрашивают образ нападавшего [5]. Он в таких публикациях интригуется и романтизируется, а жизненные трудности служат оправданием массовым убийствам. Также, оценивая роль средств массовой информации, А. Ланкфорд и С. Томек отмечают, что убийства в школах США нередко связаны с событиями, происходившими в недавнем прошлом. Согласно их расчету, риск повторения убийства является высоким в течение двух недель после произошедшего события и с вероятностью 0,2 провоцирует возникновение аналогичных инцидентов [6].

Помимо СМИ в популяризации школьного насилия значительную роль играют средства массовой коммуникации. Многие инициаторы школьных расстрелов просматривали тематические форумы, видеосервисы, являлись участниками соответствующих сообществ [7]. В них они обсуждали свои планы, корректировали их, получали одобрение и предложения по их совершенствованию. К настоящему времени в американских социальных сетях функционирует более ста форумов, содержащих информацию о вооруженных нападениях на школы, их исполнителях, причинах нападения и деталях подготовки к нему [8].

Участники этих сообществ группируются, героизируют нападавших, копируют их увлечения, стиль одежды и привычки. Можно заключить, что, несмотря на разрозненность сообществ, их участники сходны в своей направленности, обладают ценностным и семантическим (информационно-смысловым) единством. Примером этого служат общие семантические коды (например, теги school shooters, NBK — Natural born killers, Reb, VoDKa (прозвища организаторов расстрела в школе «Колумбайн» — Е. Харриса и Д. Клеболда)), помогающие маркировать тематическую информацию, быстро находить видео- и графические файлы и обмениваться ими. Все отличительные признаки соответствуют концепции постсубкультурного подхода, предложенного Д. Мугглетоном [9], и, как следствие, указывают на социально-культурный механизм, позволяющий лицам, интересующимся школьным насилием, удовлетворять свои потребности, способствует их взаимодействию.

Конечно, членство в подобных сообществах не подразумевает поддержку школьного насилия, не означает, что все участники склонны или готовы к нему. Вместе с тем сообщества сохраняют информацию о подобных действиях, а также продуцируют новые видео, изображения и тексты, способны влиять на представления и убеждения других участников относительно допустимости насилия в отношении обучающихся и педагогических работников.

Психологические предпосылки школьных убийств

Проблема готовности к совершению вооруженного нападения на школу рассматривается с психологических и клинических (психиатрических) позиций.

Психолого-психиатрическое направление связывает вооруженное нападение на школы с особенностями психологического склада личности и клиническими нарушениями, достигающими уровня психического заболевания. К психологическим чертам лиц, совершивших нападения на школы, исследователи относят психотизм [10] и нарциссизм [11]. Однако данные свойства не образуют симптомокомплекса, а выступают особенностями, проявляющимися у нападавших только при их сравнении с популяционными показателями. Более того, исследователи критически оценивают перспективы построения предиктивного психологического профиля нападающего [12]. Это мнение

обусловлено тем, что личностные особенности атаковавших при отсутствии у них клинически подтвержденных психиатрических диагнозов несущественно отличались от данных других обучающихся. Кроме того, личностные свойства и черты в гораздо меньшей степени указывают на готовность к совершению массового убийства по сравнению с убеждениями и установками.

По аналогии с психологическими исследованиями в клинических исследованиях не установлена доказанная связь насилия с психическими заболеваниями. Наиболее часто ассоциированными с массовыми убийствами заболеваниями выступают бред преследования, вызванный шизофренией, маниакальное состояние биполярного психического расстройства, антисоциальное личностное расстройство [13; 14]. К сходным выводам приходят и российские исследователи.

По данным Е.Г. Дозорцевой и ее коллег, только четверо из девяти участников нападения на российские школы по заключению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы были признаны невменяемыми, двое — ограниченно вменяемыми. Возможной причиной такого состояния явилась органическая патология, возникающая на этапе внутриутробного, родового и постродового развития (у пяти обследованных) [15].

Зарубежные исследователи отмечают у ряда нападавших признаки депрессии, к которым относится сниженный эмоциональный фон, сочетающийся с мыслями о суициде и в отдельных случаях с попытками его осуществления. При этом статистически значимой связи между нападением на школу и депрессией как клиническим диагнозом у нападавших не выявлено [16].

Наряду с указанными выводами существуют и скептические мнения относительно гипотезы о том, что психическое заболевание побуждает массовые убийства. Так, согласно статистическим данным, только 4 % насильственных действий в США было совершено психически больными людьми [17]. Критика психиатрического объяснения вооруженных нападений на школы вызвана еще и применяемой методологией, допускающей либо завышение значения психического заболевания, либо его игнорирование. Поскольку у незначительного количества нападавших имелся подтвержденный диагноз, его отсутствие зачастую подменяется симптоматикой, нередко описываемой без обследования нападавшего, по косвенным источникам инфор-

мации — со слов знакомых, учителей, инструкторов и пр. Все перечисленное говорит о том, что установить влияние психического заболевания на готовность к школьному насилию в настоящее время не представляется возможным. Выполненный П. Лангманом анализ показывает, что наряду с психическими нарушениями и характерологическими особенностями психотравмирующие обстоятельства жизни подростков также имеют существенное значение в детерминации нападений на школы [18].

По мнению Е. Эльбоген и др., более важными по сравнению с психическими заболеваниями являются конкретные ситуативные факторы. К ним исследователи относят угрозу жизни и здоровью, воздействие кризисных ситуаций (тяжелая болезнь, потеря близкого человека, развод), а также влияние алкоголя и наркотиков. Сравнивая поведение психически больных людей и здоровых, авторы утверждают, что первые не стремятся к насилию в условиях, когда отсутствуют стрессовые или растормаживающие факторы, тогда как вторые способны его причинить [19].

Социально-психологические предпосылки школьных убийств

Эти предпосылки подразделяются нами на психотравмирующие и идеологические. Подобное деление является условным, поскольку большинство нападавших на школы подвергались воздействию психотравмирующих факторов, при этом данные факторы не всегда выступали основанием для нападения и в какой-то мере восполнялись убеждением в допустимости массового убийства, идеями мести и нанесения ущерба.

Психотравмирующее направление связывает школьное насилие со стремлением к отмщению (возмездия) за ранее перенесенное физическое либо психическое насилие в школе. Например, 18-летний С. Рамос 5 мая 2022 г. совершил нападение на начальную школу в г. Увальд, штат Техас, убив 21 чел. и ранив 17. Выбор места для нападения не был случайным: в четвертом классе он подвергался насмешкам за заикание, короткую стрижку и единообразную одежду, которую он носил. Рамос проживал с родителями матери, отдельно от собственных родителей, и накануне событий пережил смерть нескольких близких родственников. За год до событий он был отчислен из школы за пропуски занятий и неуспеваемость. Как показал анализ

социальных сетей, Рамос вдохновлялся опытом других нападавших на школы людей, обсуждал со своим знакомым свой замысел, полагая, что его действия придадут ему известность после смерти. Планировать нападение он начал за несколько месяцев, устроившись на несколько подработок, чтобы приобрести оружие и патроны. В этом примере видна совокупность психотравмирующих факторов разнокачественной природы, объединяющих ранние детские обиды, стрессовые факторы потери близкого человека и отчисление из школы, способствующих появлению плана на убийство.

Идеологическое направление связывает школьные убийства с убеждениями нападавших. Во многом они выступают своеобразной мотивировкой, используемой участниками вооруженных нападений для разъяснения причин своих действий окружающим людям. Несмотря на распространенность в США лево- и праворадикальных группировок, а также террористических групп исламской направленности, вооруженные нападения на школы в редких случаях основываются на их идеологии. Одним из возможных примеров идеологической подоплеку выступает случай 17-летнего Д. Пагуртзиса, который 18 мая 2018 г. убил 10 и ранил 13 обучающихся и преподавателей средней школы г. Санта-Фе, штат Калифорния. Знакомые отмечали его увлеченность немецким, советским и корейским империализмом и соответствующей символикой. Не заявляя публично о своих взглядах, он, тем не менее, размещал в социальных сетях фотографии одежды и слоганов, в том числе символически связывающих его с нападением на школу «Колумбайн». В целом же у американских школьников, убивавших своих учителей и одноклассников, экстремистские мотивы отчетливо не представлены. В наибольшей мере идейная подоплека была характерна подросткам, напавшим на школу «Колумбайн». Они представили мотивировку собственных действий в форме дневниковых записей и видеофайлов, распространившихся вследствие повышенного общественного интереса к этому событию. Подобная сценарная модель нападения приобрела популярность и в последние годы воспроизводится многими участниками стрельбы в школах. Наиболее молодым подражателем стал 14-летний Дж. Осборн, 28 сентября 2016 г. застреливший 3 чел., включая собственного отца, и ранивший 3 чел. в начальной школе г. Таунвил, штат Южная Каролина.

20-летний А. Ланза, 14 декабря 2012 г. убивший в начальной школе «Санди Хук» (Ньютаун, штат Коннектикут) 26 чел. (20 детей и 6 взрослых), а также ранивший 2 чел., идеализировал «Колумбайн» настолько, что завел платный аккаунт в сообществе, посвященном его участникам. 21-летний А. Кастильо, 30 августа 2006 г. застреливший отца и открывший стрельбу в средней школе «Оранж», штат Северная Каролина, был болезненно сфокусирован на личностях и обстоятельствах жизни участников вооруженных нападений на школы. Это выразилось, во-первых, в выборе Колумбайна в качестве места для отдыха на каникулах, во-вторых, в подражании поведению и одежде стрелков, совершивших нападение на школу в этом населенном пункте, в-третьих, в выборе даты нападения: 30 августа — день рождения К. Кинкея, 21 мая 1998 г. убившего своих родителей и учеников школы в Спрингфилде, штат Орегон.

Обобщая сказанное, отметим, что при сопоставлении психолого-психиатрических и социально-психологических факторов, отношения с социальным окружением чаще выступают основным фактором школьного насилия. Об этом свидетельствует и криминологическая характеристика обстоятельств стрельбы, а также исследования психического здоровья лиц, совершивших нападения. Поскольку психотравмирующие и идеологические факторы обусловлены характером взаимодействия несовершеннолетнего с социальным окружением, его анализ может помочь выявлению риска применения насилия и выработке мер по его предупреждению. Для этого нами более детально описаны факторы, указывающие на риск готовности к совершению нападения на образовательную организацию.

Социально-психологические факторы риска вооруженного нападения на образовательную организацию

Исследования условий и причин, побуждающих к вооруженным нападениям на школы, демонстрируют однозначную связь между готовностью к нападению и характером взаимоотношений преступников с их социальным окружением. Так, установлено, что 85 % жертв подобных происшествий являются родственниками, друзьями и знакомыми нападавших [20]. В этой связи далее нами описываются социально-психологические маркеры риска, выявленные у несовершеннолетних, нападавших на школы. Источником информации выступают сведения

из баз данных, а также новостных публикаций, освещающих конкретные случаи нападения.

Проблемы во взаимодействии с социальным окружением. Для выявления роли субъектов социального окружения нами изучен характер отношений между нападавшими, членами их семей, родственниками, друзьями, знакомыми. Как показывает проведенный нами анализ сведений о лицах, нападавших на школы, для них характерны нарушенные либо искаженные отношения следующего вида:

1. Нарушение взаимодействия с семьей и родственниками — с родителями (92,6 % случаев нападений), другими членами семьи (71,4 % случаев), родственниками (42,1 % случаев). К признакам риска относятся:

- неисполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению несовершеннолетнего (в 94,9 % случаев нападений);

- физическое, сексуальное и психологическое насилие в отношении несовершеннолетнего (в 92,1 % случаев);

- отсутствие взаимоотношений с родителями (79,3 % случаев), в том числе проживание вне родительской семьи, у родственников (41,2 % случаев).

2. Проблемы во взаимодействии со сверстниками, одноклассниками: отсутствие друзей либо трудности при взаимодействии с ними (91,8 % случаев), агрессивно-насильственное воздействие одноклассников, подростков и молодежи (76,7 % случаев), сверстников по месту проживания (51,9 % случаев). Признаками риска являются:

- отсутствие дружеских отношений со сверстниками (84,2 % случаев);

- статус отчужденного (исключенного, изгоя) во взаимодействии участников учебного коллектива (71,3 % случаев);

- физическое насилие со стороны обучающихся, сверстников (51,6 % случаев);

- преимущественно виртуальные контакты по сравнению с реальным взаимодействием (49,4 % случаев);

- использование психоактивных веществ (31,5 % случаев).

Психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего. Анализ обращений американских школьников, совершивших вооруженное нападение на школу, к психологу показывает, что их эмоциональное состояние характеризуется несколькими видами проявлений:

- по отношению к себе (текущее состояние) — апатия, тоска, тревога, страх, усталость,

конкретизируемые по модели суицидального поведения;

- по отношению к сверстникам — гнев, злость, обида, обусловленные унижением с их стороны;

- по отношению к родителям и родственникам — враждебность, обида, причиной которых называется насилие, отсутствие заботы и невнимание с их стороны.

Осознание несовершеннолетними агрессивных эмоций сочетается с мнением о своей неспособности изменить ситуацию и ощущением безнадежности. Более того, агрессивные чувства амбивалентны — враждебность и гнев по отношению к окружающим в равной мере проецируются и на самого себя.

Следует отметить, что перечисленные эмоциональные реакции варьируются у разных обследуемых, а их проявление не принимает форму симптомокомплекса. Таким образом, наличие негативных чувств по отношению к сверстникам может не сочетаться с негативным отношением к родителям и родственникам. Очевидно, что эмоции и чувства свидетельствуют о переживании ими психотравмирующих обстоятельств жизни, выступая реакцией на происходящие с ними события и взаимоотношения с окружающими людьми. В то же время отдельные проявления психоэмоционального состояния подростков сходны с психологическим профилем суицидента [21]. Поэтому выявление таких признаков, как фрустрированность в восприятии потребностей, безнадежность и беспомощность, амбивалентность в оценках насилия со стороны окружающих и пассивность в реакциях на него, требует квалифицированного психологического сопровождения.

Деструктивная направленность несовершеннолетнего. Потребности, мотивы и интересы несовершеннолетних, совершающих вооруженные нападения на школы, могут быть объединены в две группы:

1. Направленность на достижение признания окружающих и получение уважения. Данные мотивы относятся к группе социальных мотивов, обусловленных общественным существованием человека. Признание и уважение являются индикаторами социальных возможностей человека, свидетельствующими о его статусе и возможности влияния на окружающих. Потребность в признании обусловлена недостатком уважения, выражающимся в буллинге (травле) и унижениях, а также стремлением компенсировать низкий статус в социальном окружении

[22]. Об этом же пишет Н. Паттон, изучавшая видео- и дневниковые записи лиц, совершивших вооруженные нападения в школах. Она приходит к выводу о том, что несовершеннолетним свойственно стремление к повышению статуса, к обретению известности и популярности [23]. Способы самодемонстрации различаются на символическом, подготовительном и реализационном этапах нападения на школу.

На символическом этапе большинство несовершеннолетних публикуют дневниковые записи, видеоизображения, фотографии и рисунки, характеризующие общую направленность их действий. Маркерами риска выступают публикации в социальных сетях, а также в кругу доверенных лиц изображений огнестрельного и холодного оружия, позирование с ним, размещение видеозаписей, раскрывающих насильственные действия, в том числе ранения и убийства людей, символики (аббревиатур, тегов, изображений) социальных групп и движений экстремистско-террористической направленности.

На подготовительном этапе несовершеннолетние собирают информацию, приобретают средства и планируют вооруженное нападение. Публично ими демонстрируются эпизоды собственной подготовки, осведомленность в различных аспектах нападения, в кругу доверенных лиц подчеркивается целеустремленность и желание осуществить нападение. Маркерами риска являются:

- увеличение числа контактов в социальных сетях и посещений интернет-сообществ, описывающих тактику штурмовых действий, ведение огневого боя, характеристики взрывчатых веществ, взрывных устройств и пр.;

- публичное обсуждение изъянов безопасности образовательной организации, некомпетентности службы охраны, ее неспособности защитить школу от вооруженного нападения, рассуждения о последствиях вооруженного нападения, в том числе в виде человеческих жертв;

- размещение в социальных сетях и демонстрация доверенным лицам изображений огнестрельного, травматического, охолощенного оружия, боеприпасов, химических веществ;

- публикация записей о стрельбе, взрывах, в том числе в непосредственной близости от людей, а также по животным и птицам, либо с имитацией стрельбы.

На этапе реализации несовершеннолетние переходят к исполнению вооруженного нападения. Признание окружающих обеспечивается по-

средством общения с близким кругом доверенных лиц, которым указывается на объект нападения, планируемые время и средства, и (или) публичного опубликования текста (видео) обращения (манифеста, воззвания) с информацией о нападении (89,4 % случаев). Нередко по ходу действий несовершеннолетние ведут переписку, видеовещание, публикуют фотографии собственных действий.

Можно заключить, что несовершеннолетние стремятся продемонстрировать окружающим возможность оказать влияние на окружающих людей, власть над их жизнью, здоровьем и судьбами, подчеркивая при этом собственную готовность быть убитыми. Следует отметить, что логика их мыслей с психоаналитической точки зрения не является противоречивой. В рамках концепции суицидальной мотивации, предложенной К. Меннингером, предполагается, что суицид базируется на трех мотивах — желании умереть, желании убивать и быть убитым [24]. Реализация стремления убивать людей, заведомо неспособных оказать сопротивление, нанести вред и причинить страдания людям, непричастным к обстоятельствам и событиям жизни нападающего, вызвано, по нашему мнению, наивысшим уровнем социального отчуждения — потерей моральной связи с обществом. Однако такая деморализация не является виной только несовершеннолетних, и, как показывает анализ их жизненного пути, определенную роль в этом играет их ближайшее социальное окружение.

2. Направленность на отмщение и нанесение ущерба. Данная направленность является второй по частоте встречаемости группой мотивов нападений на школу. Дж.Х. Ли отмечает, что месть выступает в числе мотивировок, заявленных самими нападавшими, а также отмеченных экспертами [25]. Одной из базовых причин возникновения мотива мести является насилие в отношении обучающегося. С. Генри систематизирует насильственные воздействия, которым подвергаются обучающиеся, показывая, что оно может принимать вид персонализированного и группового влияния со стороны сверстников, одноклассников, других школьников и учителей, кроме того, могут существовать проявления организационного, общественного и социально-культурного насилия [26].

Следовательно, анализ проявлений насилия в отношении обучающегося должен не только фокусироваться на его соматических, эмоциональных и вербальных признаках, но и

затрагивать воспитательную и дисциплинарную практику, применяемую школой в отношении обучающегося, а также рассмотреть правовой и социально-культурный контексты его жизни. Выполненное С. Хартер с соавторами исследование реакции обучающихся на насилие показало, что готовность к причинению вреда статистически значимо связана с характером оказываемого насилия [27].

Модель готовности к нападению на школу, предложенная Дж. Левин и Е. Мадфис [28], учитывает насилие и унижения, которым подвергается подросток. Она состоит из пяти стадий:

- хронический стресс, вызванный воздействием социально-культурных, правовых факторов, воспринимаемых им как насилие;
- неконтролируемый стресс, обусловленный унижающими и насильственными взаимоотношениями с членами семьи, одноклассниками, другими детьми;
- острый стресс, порожденный кризисным, психотравмирующим событием (смертью близкого родственника, разводом родителей, физическим, психологическим, сексуальным насилием);
- планирование нападения на школу;
- массовое убийство.

Сопоставляя близкие друг другу мотивы мести и нанесения ущерба, можно выделить различия между ними, существовавшие в поведении нападавших. Объектом мести выступали учителя и одноклассники, а также другие учащиеся, известные нападавшим. Как правило, целью нападения являлось отмщение за унижение и издевательства с их стороны. Соответственно, некоторые участники вооруженных нападений вели избирательную стрельбу, не стреляя в школьников, которым они симпатизировали. Таким образом, поведение мстящего было целенаправленным и фокусировалось на убийстве конкретных лиц, тогда как остальные жертвы могли не быть частью плана и их появление обусловлено измененным психоэмоциональным состоянием нападавшего. Объектом нанесения ущерба становились любые люди, присутствовавшие в образовательной организации. При этом число жертв нападения было выше, нежели в ситуации мести. Более того, в случаях, когда мотивом выступало нанесение ущерба, нападению на школу предшествовали другие преступления: убийства родственников (знакомых, случайных людей), хищение имущества, завладение транспортным средством, разбегание и (или) подрыв взрывных устройств,

поджог имущества. Обобщая, отметим, что психологические причины мести не являются принципиально новыми. Ученики, совершающие эти действия, почти всегда находятся в кризисном состоянии, предпосылки которого заключаются в психологической травме, переживании стресса, причина которого — люди, составляющие их социальное окружение.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что негативные взаимоотношения школьников с социальным окружением представляют собой одну из ключевых причин вооруженного нападения на школы. Психологические и клинические особенности нападавших выступают дополнительным фактором, по всей видимости способствующим предпочтению сценария вооруженного нападения на школу.

Механизмом, побуждающим к массовому убийству, является насилие, оказываемое на несовершеннолетнего его социальным окружением (семья, родственники, друзья, сверстники, одноклассники и пр.), и формируемый под его влиянием комплекс психоэмоциональных реакций аутодеструктивной направленности. Способом компенсации насилия выступает стремление к получению признания и обретению уважения.

Предпосылками выбора деструктивной формы получения признания служат:

- кризисное психологическое состояние несовершеннолетнего, проявляющееся в сниженной самооценке и низком самоуважении, амбивалентных агрессивных переживаниях в отношении самого себя и окружающих;
- влияние деструктивной субкультуры, пропагандирующей насилие в отношении учащихся и педагогических работников школ, а также способ деструктивной самопрезентации;
- личностная предрасположенность, обусловленная наличием психотических и нарциссических черт.

С учетом анализа массовых убийств в образовательных организациях США, выявленных причин и механизма вооруженного нападения можно предложить комплекс мер, обеспечивающих безопасность информационного пространства, защищенность образовательной организации и психолого-педагогическое сопровождение обучающихся:

1. Меры обеспечения безопасности информационного пространства — ограничение доступа к информации о вооруженных нападе-

ниях на образовательные организации, а также блокировка информационных ресурсов по созданию, накоплению (хранению) подобной информации и обмену ею. С этой целью целесообразным является:

- ограничение представления в средствах массовой информации сведений о массовых убийствах, совершенных в образовательных организациях, в том числе исключение романтизации нападавших, детального освещения используемых средств, тактики действий;

- блокировка действующих интернет-ресурсов (форумов, сообществ), тематически посвященных нападениям на образовательные организации, и исключение возможности создания новых сообществ.

2. Меры повышения безопасности образовательной организации, позволяющие:

- использовать технические средства выявления лиц, проносящих огнестрельное и холодное оружие, препятствовать их проникновению в помещения школы и контакту с обучающимися;

- применять устройства, ограничивающие доступ в помещения школы, средства противовзрывной и противопулевой защиты (антивандальные двери, локализаторы взрыва, пуленепробиваемые жилеты);

- устанавливать комплексы видеонаблюдения и связи, дающие возможность информировать правоохранительные органы о нападении на школу, предоставляя сведения о количестве нападавших, месте их нахождения, вооружении и состоянии;

- подготовить педагогических работников и вспомогательный персонал к действиям по минимизации числа жертв вооруженного нападения на школу (организация эвакуационных мероприятий, блокирование помещений);

- сформировать навыки обеспечения личной безопасности в ситуациях вооруженного нападения на школу у педагогических работников и обучающихся.

3. Меры психолого-педагогического сопровождения, способствующие:

- раннему выявлению у обучающихся личностных черт и негативного психоэмоционального состояния, побуждающих к насилию в отношении других обучающихся и педагогических работников;

- обучению педагогических работников образовательных организаций методам кризисной интервенции, позволяющим выявлять обучающихся, находящихся в трудной жизненной

ситуации, оказывать воздействие на их психоэмоциональное состояние.

Заключение

Результатом проведенного исследования стало обобщение сведений о социально-культурных, психиатрических и социально-психологических предпосылках готовности несовершеннолетних к совершению вооруженного нападения на школу. Исследованием подтверждается предположение о том, что недостатки взаимодействия несовершеннолетних с социальным окружением могут выступать фактором, побуждающим их к организации массового убийства. На основе статистических сведений описана типичная модель нападения на образовательные организации США, показаны психологические и социально-психологические особенности нападавших.

Результаты исследования позволяют утверждать, что существенное влияние на совершение нападений на образовательные организации в США оказывают:

- увеличение доли информации, демонстрирующей насилие в информационном пространстве подрастающего поколения, тенденция к легитимизации и геймификации насилия, отсутствие социального контроля за распространением сведений о массовых убийствах и препятствий для коммуникации лиц, сфокусированных на тематике школьного насилия;

- негативные качества социального окружения несовершеннолетних, выраженные в физическом, психологическом, сексуальном и иных видах насилия, попустительстве в удовлетворении социальных потребностей несовершеннолетних в признании и уважении;

- неэффективность психологического сопровождения обучающихся, находящихся в трудной жизненной ситуации, приводящей к формированию у них установки на организацию вооруженного нападения на образовательную организацию, учителей и обучающихся.

Проведенный анализ показывает актуальность социально-психологической работы с социальным окружением обучающихся и педагогическими работниками российских образовательных организаций. Перспективным направлением научного обеспечения выступает разработка методик выявления и программ предупреждения школьного насилия, учитывающих социально-психологические факторы риска вооруженных нападений на образовательные организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Contagion in Mass Killings and School Shootings / S. Towers, A. Gomez-Lievano, M. Khan [et al.]. — DOI 10.1371/journal.pone.0117259 // *PloS one*. — 2015. — № 10.
2. Silva J.R. Mass Shooting Outcomes: A Comparison of Completed, Attempted, Failed, and Foiled Incidents in America / J.R. Silva // *Deviant Behavior*. — 2022. — № 43. — P. 1487–1506.
3. Flannery D.J. Violence and school shootings / D.J. Flannery, W. Modzeleski, J.M. Kretschmar. — DOI: 10.1007/s11920-012-0331-6 // *Current psychiatry reports*. — 2013. — № 15.
4. Ferguson C.J. Video games and youth violence: A prospective analysis in adolescents / C.J. Ferguson // *Journal of Youth and Adolescence*. — 2011. — № 40. — P. 377–391.
5. Silva J.R. Mass Shooting Films: Myths, Academic Knowledge, and Popular Criminology / J.R. Silva // *Victims & Offenders*. — 2019. — № 14. — P. 239–264.
6. Lankford A. Mass Killings in the United States from 2006 to 2013: Social Contagion or Random Clusters? / A. Lankford, S. Tomek // *Suicide & life-threatening behavior*. — 2018. — № 48. — P. 459–467.
7. Stories in action: the cultural influences of school shootings on the terrorist attacks in Norway / S. Sandberg, A. Oksanen, L.E. Berntzen, T. Kiilakoski // *Critical Studies in Terrorism*. — 2014. — № 7. — P. 277–296.
8. Oksanen A. Glamorizing rampage online: School shooting fan communities on YouTube / A. Oksanen, J. Hawdon, P. Räsänen // *Technology in Society*. — 2014. — № 39. — P. 55–67.
9. Muggleton D. Inside subculture: The Postmodern meaning of style / D. Muggleton. — Oxford : Berg, 2000. — 212 p.
10. Vandevoorde J. Homicide-suicide: Clinical review and psychological assumptions / J. Vandevoorde, N. Estano, G. Painset // *L'Encephale*. — 2017. — № 43. — P. 382–393.
11. Bondü R. Narcissistic Symptoms in German School Shooters / R. Bondü, H. Scheithauer // *International journal of offender therapy and comparative criminology*. — 2015. — № 59. — P. 1520–1535.
12. Орлов В.В. Закономерности в поведении лиц, осуществляющих вооруженные нападения на учебные учреждения / В.В. Орлов. — DOI 10.24412/1999-6241-2022-390-316-325. — EDN NSFUSR // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. — 2022. — Т. 27, № 3. — С. 316–325.
13. How often and how consistently do symptoms directly precede criminal behavior among offenders with mental illness? / J.K. Peterson, J. Skeem, P. Kennealy [et al.] // *Law and Human Behavior*. — 2014. — № 38. — P. 439–449.
14. Psychosis Uncommonly and Inconsistently Precedes Violence Among High-Risk Individuals / J. Skeem, P. Kennealy, J. Monahan [et al.] // *Clinical Psychological Science*. — 2015. — № 4. — P. 40–49.
15. Дозорцева Е.Г. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения / Е.Г. Дозорцева, Д.С. Ошевский, К.В. Сыровяшина. — EDN RKHXL // *Психология и право*. — 2020. — Т. 10, № 2. — С. 97–110.
16. Shao-Chiu J. From depression to youth school gun carrying in America: Social connectedness may help break the link / J. Shao-Chiu, D. Hemenway. — DOI 10.1080/23311886.2017.1314877 // *Cogent Social Sciences*. — 2017. — № 3.
17. Fazel S. The population impact of severe mental illness on violent crime / S. Fazel, M. Grann // *The American journal of psychiatry*. — 2006. — № 163. — P. 1397–1403.
18. Langman P. Why kids kill: Inside the minds of school shooters / P. Langman. — New York : Palgrave Macmillan, 2009. — 231 p.
19. Elbogen E.B. Beyond Mental Illness / E.B. Elbogen, P.A. Dennis, S.C. Johnson // *Clinical Psychological Science*. — 2016. — № 4. — P. 747–759.
20. Papachristos A.V. Social networks and the risk of gunshot injury / A.V. Papachristos, A.A. Braga, D.M. Hureau // *Journal of urban health: bulletin of the New York Academy of Medicine*. — 2012. — № 89. — P. 992–1003.
21. The interpersonal theory of suicide / K.A. Van Orden, T.K. Witte, K.C. Cukrowicz [et al.] // *Psychology Review*. — 2010. — № 117. — P. 575–600.
22. Злоказов К.В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе / К.В. Злоказов. — DOI 10.26170/ro16-05-12. — EDN WKYDXR // *Педагогическое образование в России*. — 2016. — № 5. — С. 71–81.
23. Paton N.E. Media Participation of School Shooters and their Fans: Navigating between Self-Distinction and Imitation to Achieve Individuation / N.E. Paton // *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age*, Emerald Group Publishing Limited. — 2012. — Vol. 7. — P. 205–234.
24. Valach L. Suicide as a distorted goal-directed process: Wanting to die, killing and being killed / L. Valach, C. Michel, R. Young // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. — 2016. — № 204. — P. 812–819.
25. Lee J.H. School shootings in the U.S. public schools: Analysis through the eyes of an educator / J.H. Lee // *Review of Higher Education and Self-Learning*. — 2013. — № 6. — P. 88–120.
26. Henry S. School Violence Beyond Columbine / S. Henry // *American Behavioral Scientist*. — 2009. — № 52. — P. 1246–1265.
27. Harter S. What Have We Learned from Columbine / S. Harter, S. Low, N. Whitesell // *Journal of School Violence*. — 2003. — № 2. — P. 3–26.
28. Levin J. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model / J. Levin, E. Madfis // *American Behavioral Scientist*. — 2009. — № 52. — P. 1227–1245.

REFERENCES

1. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., Castillo-Chavez C. Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PloS one*, 2015, no. 10. DOI: 10.1371/journal.pone.0117259.
2. Silva J.R. Mass Shooting Outcomes: A Comparison of Completed, Attempted, Failed, and Foiled Incidents in America. *Deviant Behavior*, 2022, no. 43, pp. 1487–1506.
3. Flannery D.J., Modzeleski W., Kretschmar J.M. Violence and School Shootings. *Current Psychiatry Reports*, 2013, no. 15. DOI: 10.1007/s11920-012-0331-6.

4. Ferguson C.J. Video Games and Youth Violence: A Prospective Analysis in Adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 2011, no. 40, pp. 377–391.
5. Silva J.R. Mass Shooting Films: Myths, Academic Knowledge, and Popular Criminology. *Victims & Offenders*, 2019, no. 14, pp. 239–264.
6. Lankford A., Tomek S. Mass Killings in the United States from 2006 to 2013: Social Contagion or Random Clusters? *Suicide & Life-threatening Behavior*, 2018, no. 48, pp. 459–467.
7. Sandberg S., Oksanen A., Berntzen L.E., Kiilakoski T. Stories in Action: the Cultural Influences of School Shootings on the Terrorist Attacks in Norway. *Critical Studies in Terrorism*, 2014, no. 7, pp. 277–296.
8. Oksanen A., Hawdon J., Räsänen P. Glamorizing Rampage Online: School Shooting fan Communities on YouTube. *Technology in Society*, 2014, no. 39, pp. 55–67.
9. Muggleton D. *Inside subculture: The Postmodern meaning of style*. Oxford, Berg, 2000. 212 p.
10. Vandevorde J., Estano N., Painset G. Homicide-suicide: Clinical review and Psychological Assumptions. *L'Encephale*, 2017, no. 43, pp. 382–393.
11. Bondü R., Scheithauer H. Narcissistic Symptoms in German School Shooters. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2015, no. 59, pp. 1520–1535.
12. Orlov V.V. Behaviour Patterns of Persons Who Commit Armed Attacks on Educational Institutions. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2022, vol. 27, no. 3, pp. 316–325. (In Russian). EDN: NSFUSR. DOI: 10.24412/1999-6241-2022-390-316-325.
13. Peterson J.K., Skeem J., Kennealy P., Bray B., Zvonkovic A. How Often and How Consistently do Symptoms Directly Precede Criminal Behavior Among Offenders with Mental Illness? *Law and Human Behavior*, 2014, no. 38, pp. 439–449.
14. Skeem J., Kennealy P., Monahan J., Peterson J., Appelbaum P. Psychosis Uncommonly and Inconsistently Precedes Violence Among High-Risk Individuals. *Clinical Psychological Science*, 2015, no. 4, pp. 40–49.
15. Dozortseva E.G., Oshevskii D.S., Syrovashina K.V. Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions, *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 97–110. (In Russian). EDN: RKHXL.
16. Shao-Chiu J., Hemenway D. From Depression to Youth School Gun Carrying in America: Social Connectedness May Help Break the Link. *Cogent Social Sciences*, 2017, no. 3. DOI: 10.1080/23311886.2017.1314877.
17. Fazel S., Grann M. The Population Impact of Severe Mental Illness on Violent Crime. *The American Journal of Psychiatry*, 2006, no. 163, pp. 1397–1403.
18. Langman P. *Why kids kill: Inside the minds of school shooters*. New York, Palgrave Macmillan, 2009. 231 p.
19. Elbogen E.B., Dennis P.A., Johnson S.C. Beyond Mental Illness. *Clinical Psychological Science*, 2016, no. 4, pp. 747–759.
20. Papachristos A.V., Braga A.A., Hureau D.M. Social Networks and the Risk of Gunshot. *Journal of Urban Health: Bulletin of the New York Academy of Medicine*, 2012, no. 89, pp. 992–1003.
21. Van Orden K.A., Witte T.K., Cukrowicz K.C., Braithwaite S.R., Selby E.A. The Interpersonal Theory of Suicide. *Psychology Review*, 2010, no. 117, pp. 575–600.
22. Zlokazov K.V. Social and Psychological Premises of Destructive Behavior of Teenagers at School. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2016, no. 5, pp. 71–81. (In Russian). EDN: WKYDXR. DOI: 10.26170/po16-05-12.
23. Paton N.E. Media Participation of School Shooters and their Fans: Navigating between Self-Distinction and Imitation to Achieve Individuation. *School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age*, Emerald Group Publishing Limited, 2012, vol. 7, pp. 205–234.
24. Valach L., Michel C., Young R. Suicide as a distorted goal-directed process: Wanting to die, killing and being killed. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 2016, no. 204, pp. 812–819.
25. Lee J.H. School shootings in the U.S. public schools: Analysis through the eyes of an educator. *Review of Higher Education and Self-Learning*, 2013, no. 6, pp. 88–120.
26. Henry S. School Violence Beyond Columbine. *American Behavioral Scientist*, 2009, no. 52, pp. 1246–1265.
27. Harter S., Low S., Whitesell N. What Have We Learned from Columbine. *Journal of School Violence*, 2003, no. 2, pp. 3–26.
28. Levin J., Madfis E. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model. *American Behavioral Scientist*, 2009, no. 52, pp. 1227–1245.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Злоказов Кирилл Витальевич — докторант Уральского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: zkirvit@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Злоказов К.В. Вооруженные нападения несовершеннолетних на образовательные организации в США: социально-психологические факторы риска / К.В. Злоказов. — DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102. — EDN AFIMUR // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 90–102.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zlokazov, Kirill V. — Postdoctoral Student, Ural State Pedagogical University, Ph.D. in Psychology, Ass. Professor, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: zkirvit@yandex.ru.

FOR CITATION

Zlokazov K.V. Armed Attacks on Schools by Adolescents in the USA: Socio-Psychological Risk Factors. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 90–102. (In Russian). EDN: AFIMUR. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102.